

В.П. Бойко

ОБ ИТОГАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Томский государственный педагогический университет

Восстание 14 декабря 1825 г. и его последствия стали одним из ключевых моментов отечественной истории XIX в. Свидетельством значимости этого явления можно назвать неугасающий интерес к нему историков, культурологов, публицистов, писателей, общественных и политических деятелей. В предлагаемой читателям статье остановимся на проблеме отражения в исторической литературе сибирского периода жизни некоторых декабристов, в особенности обратим внимание на их деятельное участие в местном предпринимательстве. Такой аспект истории декабризма мало затрагивался исследователями как прошлых веков, так и современности, поэтому предполагается посвятить ему несколько статей. Данная статья является первой из них и охватывает период с начала пребывания некоторых декабристов в ссылке (вторая половина 20-х гг. XIX в.) до начала XX в., когда октябрьский переворот в России коренным образом изменил концептуальный подход к большинству социально-политических проблем, в том числе и к истории пребывания декабристов в Сибири.

Вероятно, будет правильно начать характеристику поставленной проблемы с трудов самих декабристов. Многие из них отмечали свое участие в экономической и общественной жизни края, в распространении здесь грамотности, технических знаний и навыков ремесла, передовых хозяйственных методов и идей, свой вклад в изучение флоры и фауны региона. Из воспоминаний, писем и статей декабристов можно получить сведения об их взаимоотношениях с местными купцами и зажиточными крестьянами, которые являлись главными носителями буржуазных отношений в крае, о деятельном участии декабристов в местном предпринимательстве, о результативности этой деятельности и отношении к ней населения и чиновников. Используемые в этой статье работы декабристов являются источниками, но там содержатся многие оценочные определения и суждения, что позволяет отнести их к научным или историографическим трудам. Остановимся на некоторых из них.

В воспоминаниях Е.П. Оболенского содержатся ценные характеристики о взаимоотношениях ссыльных декабристов и сибирских купцов. Радушное гостеприимство декабристам в Иркутске ока-

зывал городской голова Е.А. Кузнецов, другие купцы, которые «... по возможности старались нас успокоить и развлечь». Некоторые из них шли на серьезные нарушения законов и могли понести за это соответствующие наказания. Так, поверенный упомянутого Е.А. Кузнецова способствовал переписке декабристов с их женами, прибывшими в Сибирь и не имевшими сначала возможности даже переписываться [1, с. 98]. Со знанием дела описывает Е.П. Оболенский историю возникновения и последующую работу знаменитой школы декабриста И.Д. Якушкина. Немаловажную роль здесь сыграл ялutorовский купец И.П. Медведев, по словам Оболенского, «человек предприимчивый, имевший первую стеклянную фабрику в 17 верстах от Ялutorовска». Он сам предложил Якушкину свое содействие в устройстве училища и за свой счет перевез строение, которое можно было использовать в здании для этого учебного заведения. С его помощью были собраны дополнительные средства, найдены помощники, в числе которых были ближайшие родственники Медведева, и в 1842 г. училище было открыто. «Тогда и началась, – пишет Е.П. Оболенский, – та неутомимая и усидчивая деятельность Ивана Дмитриевича, которая была выражением не только его доброго желания быть полезным, но и той твердой воли и того постоянства в достижении цели, без которых ни что истинно полезное никогда не совершалось» [2, с. 116].

Широко известны письма В.И. Штейнгеля, которые по своему объему и содержанию, конечно, превосходили источник эпистолярного жанра, хотя в те времена были не редкостью письма, имевшие широкий общественный резонанс. Взять, например, письма П.Я. Чаадаева и М.С. Лунина, а начало было положено в самом конце XVIII в. Н.М. Карамзиным, его знаменитыми «Письмами русского путешественника». Письмо барона В.И. Штейнгеля генералу А.П. Ермолову появилось в печати под названием «Сибирские сатрапы» и содержало характеристику правления царских наместников в Сибири. По своей направленности оно было резко критическим в отношении сибирской администрации и сочувственным к местному населению. Даже крупные капиталы и достаточно высокое общественное положение некоторых из них не спасали

от произвола администрации и крутой расправы. Штейнгель и другие декабристы знали об этом и не могли не протестовать, пусть даже в частной переписке и воспоминаниях. Они видели, что местным золотопромышленникам и купцам за взятки чиновникам дозволялось многое, но и крупнейшие из них, представители старинных купеческих фамилий Сибиряковых и Мыльниковых по воле верхов разорялись и вынуждены были переносить свои резиденции из Иркутска в другие города (Нерчинск и Баргунин), терпя огромные убытки. Крупнейший в Сибири откупщик Передовщиков был разорен и отправлен на каторгу в Нерчинск. Суд над ним состоялся в Иркутске, членами суда были «особо доверенные» губернатору Трескину люди, и по первому приговору Передовщиков должен был выплатить около 600 тыс. руб. По сведениям В.И. Штейнгеля, его жена обеспечила эту сумму в Сенате векселями. Затем насчитали еще 400 тысяч рублей долга, и откупщик был отправлен на каторжные работы [3, с. 380].

Симпатии большинства декабристов были, естественно, на стороне преследуемых. В этом проявились их чувство справедливости и, на наш взгляд, интуитивная предрасположенность к буржуазному пути развития России в целом и Сибири – в частности. Со своей стороны отметим, что на первый взгляд откупщик Передовщиков действительно несправедливо осужден, и он предстает перед читателями как жертва. Но при более пристальном и внимательном рассмотрении вопроса вырисовывается, что откупщик, как, впрочем, и губернатор, были фигурами выдающимися только масштабами своих злоупотреблений на общем фоне коррумпированной и криминализованной сибирской действительности. В.О. Ключевский в одном из своих афоризмов отметил: «Наша беда – в нас самих: мы не умеем стоять за закон». Поэтому произвол в стране и ее регионах, который в Сибири был многократно сильнее, порождал уродливые и грубые формы обогащения, изощренные способы обхода существовавших тогда законов, доходивших, по сути дела, до полного их игнорирования. Сведения о самом откупщике вполне подтверждают это. К.И. Передовщиков начинал свою карьеру подносчиком в кабаке. В конце царствования Екатерины II он имел уже сотни тысяч рублей, но попал под суд, был наказан кнутом и выслан в Туруханск. По указу Павла I был лишен права брать на себя казенные подряды, но уже в 1807 г. был одним из богатейших откупщиков России. В результате следствия в Иркутске был изобличен не только в разбавлении водки водой, но и в добавлении в нее купороса и ядовитых зелий. Во многом столь быстрый путь к богатству был определен еще и тем, что жена Передовщикова – женщина «молодая, умная и красивая – пользовалась благо-

склонностью одного из сановников Александра I и оказывала влияние на ход дел своего плутоватого супруга» [4, с. 388].

Свою точку зрения на историю сибирского предпринимательства имел Д.И. Завалишин, который познакомился с Сибирью, как В.И. Штейнгель и Г.С. Батеньков, еще до декабрьского восстания. Отличаясь, как и многие декабристы, выдающимися способностями и энергией, он уже в 17 лет преподавал в Морском корпусе астрономию, высшую математику и специальные морские дисциплины. Затем Д.И. Завалишин совершил кругосветное путешествие в составе экспедиции адмирала Лазарева и был вызван царем для личной беседы по поводу записки, поданной на имя царя с планом реформ. Путь в Петербург лежал у него через Северную Америку, Дальний Восток и Сибирь. Иркутский губернатор Цейдлер вручил Завалишину мандат для оказания ему содействия, что сделало его значительной персоной в глазах сибирского населения, и по дороге ему было вручено множество прошений и жалоб на злоупотребления местных властей. На основе этого и последующего после ссылки в Сибирь опыта Завалишин пришел к следующим выводам.

Сибирь издавна страдала под тягостью административного деспотизма, но не имела даже возможности жаловаться, так как обычай перехватывать письма был весьма распространен среди местного начальства разного ранга. К тому же Сибирь потеряла доверие от множества кляуз и ложных доносов, которые составляли по просьбе сибиряков ссыльные приказные и чиновники, имевшие свой интерес к этому, так как получали за них средства к существованию.

В Сибири наблюдалось определенное противоречие между чиновниками и купечеством, которые в одинаковой мере были причастны к злоупотреблениям, но купцы в большей степени получали деньги честным путем. По мнению Завалишина, «купечество вообще привыкло в Сибири разыгрывать роль аристократии даже относительно чиновников» [5, с. 360]. В связи с этим главную опору в региональных реформах нужно было делать на местное купечество и слои общества, склонные к предпринимательству, как это происходило в Северной Америке, с которой Д.И. Завалишин познакомился во время своего путешествия.

Преобразования М.М. Сперанского не привели, по мнению Завалишина, к желаемой цели. Искоренить коррупцию ему не удалось, хотя впечатление о себе он оставил в Сибири хорошее. Что касается его команды, то ревизоры и проверяющие не пользовались доверием крестьян, которые по своему опыту знали: если чиновник не берет взятку, то, значит, мало предложили [5, с. 79]. Вызвать дове-

рие к местной администрации у сибирского населения, на наш взгляд, не удалось на всем протяжении рассматриваемого в данной статье периода.

Одним из путей преодоления регионального кризиса Завалишин считал естественное прорастание буржуазных отношений в социально-экономическое пространство страны. В Петербурге такой процесс он наблюдал в верхах: на собраниях Российско-американской компании рядом сидели высшие сановники и купцы с мещанами, имевшие на это право по числу своих акций [5, с. 89]. Потом такие картины повторялись в составе золотопромышленных компаний, где главным мерилом авторитета стали размер капитала и возможности его приумножать.

В Сибири такие процессы наблюдались в местах поселений декабристов в Чите и петровском заводе. Несмотря на запреты и ограничения, некоторым состоятельным декабристам удавалось получать средства от родных из Европейской России, и, по приблизительным подсчетам, только в Чите было получено около 400 тыс. руб. ассигнациями. Такие средства стали сильным толчком для развития местной торговли, и в лавках можно было купить все, что только продавалось в России. Потребности ссыльных декабристов в продуктах, различных вещах и просторном по сибирским меркам жилье благотворно повлияли на развитие сельского хозяйства и ремесла, торговли и промыслов.

Сами декабристы не прочь были заниматься предпринимательством. При этом одних заставляла самая настоящая нужда, и они связывали свои занятия с получением дополнительных средств, а для других было потребностью освоить новый род деятельности и на практике подтвердить свои научные и теоретические построения.

Умный и наблюдательный Н.В. Басаргин был тесно связан с сибирским купечеством и третьим браком женился на упомянутой уже вдове купца Медведева (родной сестре Д.И. Менделеева, а они по материнской линии происходили из купеческого рода Корнильевых). В своих записках Басаргин предложил свою программу вывода Сибири из бедственного положения.

Во-первых, он предлагал открыть в каком-либо сибирском крупном городе высшее учебное заведение. Такое заведение должно было готовить, прежде всего, деловых людей, готовых руководить предприятиями и быть технически грамотными. Н.В. Басаргин писал: «Мне самому случалось видеть, как иногда самое выгодное промышленное или фабричное предприятие не имело успеха и вовлекало в огромные убытки именно оттого только, что вместо дельного и знающего человека употребляли какого-нибудь словоохотливого хвастуна, обманувшего рассказами о своих познаниях и обеща-

ниями выполнить то, о чем не имел никакого понятия» [6, с. 113].

Во-вторых, Н.В. Басаргин предлагал привлекать в экономику Сибири средства за счет учреждения здесь банков, которые могли бы обеспечить предпринимателей доступным и дешевым кредитом. Страхование недвижимости и товаров также, по его мнению, должно было превратить «в производительные капиталы те средства, которые остаются теперь без всякого производительного движения» [6, с. 114].

В-третьих, необходимо было усовершенствовать законодательство, которое бы не только воспрещало, но содействовало бы учреждению разного рода частных компаний как на акциях, так и по условиям и договорам. «Тогда могли бы образовываться огромные капиталы для таких предприятий, к которым невозможно приступить одному частному лицу, как бы ни велико было его состояние», — справедливо замечал декабрист [6, с. 114].

В-четвертых, необходимо было более активно привлекать в дело частные капиталы. «Большие сибирские капиталисты — некоторые из них золотопромышленники и откупщики — живут большей частью в России и употребляют все то, что доставляет им Сибирь, не в самом крае, а вне его. Маленькие (капиталисты. — В.Б.) — боятся пускать свое состояние в такие обороты, где опасаются первой неудачи, и занимаются только тем, к чему привыкли, чем занимались исстари и что приносит хотя и небольшой, но верный доход» [6, с. 114].

Сам Н.В. Басаргин напрямую предпринимательством не занимался, но его программа обеспечения благоприятных условий для сибирских деловых людей была для своего времени весьма обширна и хорошо продумана. В результате ее реализации, да еще с дополнениями из разумных предложений других декабристов, могло двинуть сибирскую экономику по пути свободного капитализма американского типа и дать результаты, сходные с результатами североамериканских штатов.

С позиций либерализма рассматривалось пребывание декабристов в Сибири в книге Н.А. Белоголового «Воспоминания и другие статьи», выдержавшей в конце XIX в. за короткий срок три издания. Выдающийся врач, человек высокой культуры, известный общественный деятель, он всю жизнь считал, что многого достиг благодаря воспитанию и образованию, полученному у декабристов. Как писал Белоголовый, его отец был «... купец далеко не богатый, очень деятельный, замечательно умный и не останавливавшийся ни перед какими жертвами, чтобы доставить нам наивозможно лучшее образование, что было тогда (1842 г. — В.Б.) в Иркутске крайне трудной, почти неисполнимой задачей». Автор воспоминаний вместе с братом начал учить-

ся у декабриста Юшневского в деревне Малой Разводной в 5 верстах от Иркутска. Тут же жил А.З. Муравьев, а во дворе их усадьбы в небольшой избушке проживали братья Борисовы. Кроме достаточно тесного общения с ссыльными декабристами, отец мемуариста помог одному из них, В.А. Бечаснову, устроить в 12 верстах от Иркутска небольшую маслобойню по выжимке конопляного масла [7, с. 3]. Постоянные поездки купца Белоголового в Нижний Новгород, Москву и даже в Петербург способствовали его сближению с декабристами, потому что он «доставлял контрабандные письма и посылки от них к родным и наоборот и выступал устным посредником между ссыльными и их знатными столичными родственниками». А.П. Юшневский, до своего ареста действительный статский советник, главный интендант Южной армии, человек безупречной честности, что для такого рода занятий было тогда в диковинку, во многих отношениях человек незаурядный, оставил в душе Н.А. Белоголового «чувство глубокого благоговения».

Такого рода чувства остались у многих сибиряков, которые входили в контакты с декабристами, и жаль, что только небольшая часть их задокументирована. Для современных историков были бы важны не только крупные события в сибирский период жизни декабристов, но и многие детали этой жизни, мелочи, которые порой более красноречивы, чем факты, значительные с точки зрения их современников. Вот, например, первый опыт в медицине будущего великого врача: «Как-то в начале осени я схватил насморк; Юшневская это за ужином заметила и приказала мне, когда я буду ложиться спать, намазать хорошенько подошвы свечным салом. Я и исполнил приказание буквально, а так как в то время я признавал существование подошв только у обуви, то, улегшись в постель, взял свои сапоги и очень добросовестно начал мазать их подошвы салом. За этой работой застал меня Юшневский и с большим изумлением спросил: «Коля, что это за глупости ты делаешь?», и когда я ему с деловитой озабоченностью ответил: «Марья Казимировна мне приказала от насморка намазать подошвы», то даже он, этот почти никогда не улыбающийся человек, не мог удержаться и разразился громким смехом. И долго мне доставалось за эти подошвы и за этот первый опыт моей медицинской практической деятельности» [7, с. 13–14]. В то же время немало было, вероятно, случаев, поучительных и комичных, которые показывали наивность ссыльных декабристов при усваивании сибирского опыта в жизни и предпринимательстве. Тем не менее благодаря своей высокой общей культуре, замечательному для того времени образованию, высокой внутренней организованности декабристы оказывали сильное влияние на сибирское общество, являлись серъ-

езной силой, с которой не считаться было нельзя. В то же время нельзя переоценивать их значение в сибирской жизни. Немногие из них надеялись на кардинальное переустройство жизни – погибшие Сухинов, Лунин.

Вот пример поселения декабристов в небольшом городке Минусинске. Здесь с 1833 г. проживали братья Беляевы, Петр и Александр. Они купили лошадей, плуги и бороны, наняли работников и сделались в полном смысле этого слова фермерами. Еще раньше здесь поселился Сергей Иванович Кривцов, который также занимался пашней и после Туруханска был здесь почти счастлив. В условиях мягкого и благодатного для сельского хозяйства климата они вели типичную для зажиточных сибиряков жизнь. В 1836 г. к ним присоединился И.В. Киреев, который жил сначала у Беляевых, затем купил дом и женился на абаканской крестьянке Ф.И. Соловьевой. По болезни сельским хозяйством заниматься он не мог и служил заведующим винным складом и в окружном управлении писцом. В письме от 4 января 1837 г. Киреев писал Е.П. Оболенскому: «Я не способен ни к торговле, ни к большому хозяйству, разве распахать на будущую весну небольшой участок земли и посеять хлеба... Впрочем, и головные мои боли мешают мне продолжать мои петровские занятия» [8, л. 29]. В Минусинске Киреев не был просветителем и предпринимателем, хотя и готов был этим заниматься, но он был талантливым художником, которому особенно удавались пейзажи окрестностей городка, он обучал рисованию детей, выступал в роли просителя и ходатая обиженных людей. Его внешность в Сибири под давлением обстоятельств изменилась, и в ней уже было мало героического. «Киреев среднего роста, в усах с проседью, лицо болезненное и печальное. Тяжело смотреть на него. В истасканном нанковом сюртучишке, летом в какой-то теплой неуклюжей фуражке, в теплых сапогах. Он занимается рисованием. Ни копейки денег, воспоминание о прошедшем, горесть настоящего, все соединяется вместе, чтобы его мучить. Он начитанный, толковый и приятный человек, но его сокрушила бедность», – писал член сенаторской ревизии В.Д. Философов, обследовавшей в 1842 г. Восточную Сибирь [9, с. 58]. Такое изложение фактов вполне типично для официальной точки зрения на декабристов в Сибири. С одной стороны, сочувствие к отдельным ссыльным, которые оказались в ужасных условиях, с другой, сами виноваты, что попали в Сибирь не губернаторами, а каторжанами и ссыльнопоселенцами.

Своеобразным отказом от прославления декабристов как деятелей революционного движения стала известная книга М. Гершензона «Декабрист Кривцов и его братья», вышедшая в 1914 г. Смена

социальных и политических ориентиров произошла после выхода знаменитого сборника «Вехи», где отчетливо прозвучал призыв к интеллигенции отказаться от идеализации революции, от надежд, что она принесет лучшее будущее. М. Гершензон был одним из авторов этого сборника и на примере судеб четырех братьев Кривцовых показывал, что жизнь вне общего для страны культурного контекста, выступление против государственных и общественных устоев приводят к глубокому кризису личности. Только возвращение к естественной и простой жизни дает духовное и физическое здоровье. В центре повествования стоит, конечно, Николай Кривцов, который был героем войны 1812 г. и знаменит тем, что спасал французский госпиталь от кровавой резни, которую хотели там устроить казаки после бегства Наполеона из Москвы. В сражении при Кульме он потерял ногу, но продолжал службу и был одно время тульским губернатором. Павел Кривцов стал благополучным дипломатом, долгое время служил консулом в Риме и распределял среди русских художников немалые средства, поступающие из Петербурга. Владимир – образцовый помещик, а вот Сергей, по мнению Гершензона, не совсем удачно присоединился к декабристам. В результате только после искупления своей вины он обрел личное счастье. Конечно, Сергей Кривцов был личностью незаурядной, человеком обаятельным, всеми любимым и на поселении в Сибири, и на войне на Кавказе. Выйдя в отставку и поселившись в своем имении, он женился на дочери орловского губернатора Сафоновича Анне Валериановне: ему было 55 лет, ей – 20. Управляющим своего имения он взял декабриста А.П. Беляева, прошедшего, как и С.И. Кривцов, Сибирь и Кавказ [10, с. 275].

Детальным освещением пребывания декабристов в Западной Сибири отличается книга А.И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири», написанной по архивным документам. Книга была издана в конце XIX в. и получила, несмотря на региональную определенность, широкий резонанс. Достаточно сказать, что рецензии на эту книгу появились в 1895 г. в «Сибирском вестнике», в 1896 г. – в «Вестнике Европы», «Русской мысли» и «Восточном обозрении», в 1897 г. – в «Русском вестнике» и «Историческом вестнике». Эти рецензии, конечно, имеют различную направленность, объем и степень учености их авторов, но в одном им отказать нельзя – в заинтересованности к объекту исследования Дмитриева-Мамонова. Тема была свежа и малоизвестна, остра и актуальна, читающая публика хотела узнать своих героев поближе. После стихотворений А.С. Пушкина, романтизирующих поведение и действия декабристов, после статей А.И. Герцена, который считал де-

кабристов «фалангой героев, кованных из чистой стали», трудно было переубедить читающую публику в привлекательности их подвига. Даже главные герои романа Л.Н. Толстого «Война и мир» Пьер Безухов и Андрей Болконский были обречены по своему образованию, направленности ума и погруженности в нравственные проблемы стать в будущем декабристами. Знакомство с деталями жизни декабристов в Западной Сибири снимало романтический флер с рассматриваемой проблемы, делало облик героев земным и понятным. Стало ясно, что категория декабристов социально и имущественно неоднородна, что их революционность давно иссякла и их мысли и дела вполне соответствуют теории «малых дел». Забота о повседневном «куске хлеба», устройстве собственного быта, занятия мелким предпринимательством и служба писцами и мелкими чиновниками, все это заставляло забыть об идеалах молодости. Декабристы в силах были только оказать услуги в сфере непрофессиональной медицинской помощи, в написании жалоб и прошений, защите интересов сибиряков в судах, в педагогической деятельности некоторых из них.

Как считает Дмитриев-Мамонов, суровые климатические условия, тяжелая нужда, которую претерпевали некоторые из поселенцев, «утраченные надежды на лучшее будущее и сожаление о навсегда потерянной связи со своею прошлой жизнью, порождавшей как физические, так и душевные страдания, свели многих из осужденных в могилу» [11]. По нашим подсчетам, из 39 декабристов, находившихся на поселении в Западной Сибири, 15 похоронены в ее пределах. На основе подробного анализа данных о декабристах в Западной Сибири можно будет в перспективе сделать достаточно подробный анализ их жизни и деятельности в рассматриваемом регионе. Недоступность многих архивных дел, используемых А.И. Дмитриевым-Мамоновым в свое время, повышает ценность рассматриваемого труда, делает его незаменимым в прорисовке деталей образа жизни и деятельности декабристов до их переезда в Европейскую Россию.

К сожалению, практически нет сведений о пребывании декабристов в Сибири в капитальном труде В.И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов», вышедшей в 1909 г. После революции 1905 г. обществу нужно было осознать истоки русской революционности, воспользоваться цензурными послаблениями и попытаться учесть уроки прошлого [12]. Но слова об изменении политического курса правительством не были услышаны, и произошло то, чего можно было избежать – национального кризиса. Автор привлекает огромный фактический материал, чтобы доказать свой основной тезис: выступление декабристов было

вызвано усилением произвола в обществе и особенно сильно – в армии. Нетерпимая атмосфера, создаваемая правительством после подаваемых императором надежд на реформы, вызвала со стороны образованных и честных офицеров сначала пассивный, а затем и активный протест. К причинам вольномыслия Семевский относит высокий образовательный ценз декабристов, влияние Западной Европы и выбранного ими круга чтения, знакомство с западными конституциями и увлечение модным тогда масонским движением. Немаловажным обстоятельством являлось и изучение декабристами русской истории и важных проблем противостояния монархической Москвы и республиканского Новгорода. К сожалению, В.И. Семевский оставил без внимания такую важную составляющую движения декабристов, как экономика, и не обратил должного, на наш взгляд, внимания на программу

экономических преобразований декабристов, не проследил эволюцию их взглядов в последовавший после декабрьского восстания период.

Подводя итоги сказанному, отметим, что пребывание декабристов в Сибири в дореволюционной историографии не получило должного освещения. В данной статье сделана попытка выявить и проанализировать историографический материал по истории предпринимательства декабристов, их отношения к такого рода деятельности, по взаимоотношениям с деловыми кругами Сибири. В целом можно говорить о положительных результатах деятельности декабристов в области предпринимательства, но сфера их интересов была ограничена, как ныне говорят, мелким бизнесом, а возможности были невелики в связи с общими неблагоприятными для развития капиталистических отношений условиями.

Литература

1. Оболенский Е.П. Воспоминания о 1826 и 1827 годах князя Евгения Петровича Оболенского // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.
2. Оболенский Е.П. Воспоминания об Иване Дмитриевиче Якушкине // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.
3. Штейнгель В.И. Сибирские сатрапы (Письмо барона В.И. Штейнгеля к А.П. Ермолову) // Исторический вестник. 1884. № 8.
4. Бумаги И.Б. Пестеля // Русский архив. 1875.
5. Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906.
6. Басаргин Н.В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982.
7. Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. Изд. 3-е. М., 1898.
8. Письмо И.В. Киреева к Е.П. Оболенскому // Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 343. Д. 84/5.
9. Сборник памяти А.П. Философовой. СПб., 1906. Т.1.
10. Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914.
11. Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1905.
12. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Л.А. Гаман

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г.П. ФЕДОТОВЫМ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Томский государственный университет

Русский историк, религиозный мыслитель Г.П. Федотов, творческая индивидуальность которого раскрылась в годы пребывания в эмиграции (1925–1951 гг.), может быть по праву отнесен к числу наиболее значительных представителей отечественной культуры XX в. Его творчество, равно как педагогическая и общественная деятельность, играли заметную роль в русском зарубежье. Об этом свидетельствовал, например, Ф.А. Степун, в своих воспоминаниях указывавший на «ту крупную роль, которую он (Федотов – Л.Г.)... сыграл в судьбах и

творчестве русской эмиграции» [1, с. 304]. Теоретическое наследие Федотова, стержнем которого является российская проблематика, отличается глубиной и богатством идей. Высокая профессиональная компетентность как историка, большая эрудиция и литературное мастерство делают его творчество актуальным и в настоящее время. Особенный интерес идейное наследие Федотова вызывает в свете современного историографического кризиса, отмеченного поисками путей модернизации исторической науки [2]. Антропологические и культу-